
Собрание сочинений в трех томах. Т. 1. М., Терра, 1994.
OCR Бычков М.Н.

I

Моя жена была высокая, красивая и стройная женщина. До свадьбы она постоянно ходила в малороссийском костюме, жила на даче в старом деревянном доме, окруженном густым вишневым садом, пела хохлацкие красивые и грустные песни и любила путать в черные волосы самые простые, красные и желтые цветы.

За садом той дачи, где жила она с братом и его семьей, проходила железная дорога г высокой, странно ровной насыпью, внизу поросшей репейником, а сверху засыпанной ровным песком, белевшим в лунном свете, как голубой мел.

Брат се, большой желчный и лысый человек с низким животом, в желтой парусиновой паре, всегда потной под мышками, не любил меня, и на их даче я никогда не бывал. Она выходила ко мне на свидания через вишневый сад, по насыпи, в тоненькую и белую березовую рощицу. Еще издали была видна ее высокая и гибкая фигура и мягким силуэтом вырезывалась в бесконечно широком и глубоком небе, усеянном золотыми, голубыми и красными звездочками и далеко облитом ровным холодным светом луны.

За насыпью была густая, черная и жуткая тень, в которой неподвижно и чутко стояли тоненькие стволы березок и молчаливо тянулась от земли высокая влажная трава. В этой роще я ждал ее, и мне было жутко и весело в прозрачной голубой тени. Когда в небе, высоко надо мною, вырисовывался знакомый силуэт, я карабкался навстречу, скользя по мокрой траве, подавал ей руку, и мы оба, точно падая, стремительно сбегали вниз, с силой разгоняя густой воздух, развевавший волосы и шумевший в ушах, влетали в сумрак и тишину рощи и вдруг сразу замирали, по колена в траве, сильно и смущенно прижимаясь всем телом друг к другу.

Мы почти не говорили, и нам не хотелось говорить. Было тихо, пахло странным, таинственно непонятым ароматом, от которого кружилась голова, и все исчезало из глаз и сознания, кроме жгучего и тревожного наслаждения. Сквозь тонкую, сухую материю я чувствовал, как чуть-чуть дрожало и томилось, наслаждаясь, молодое, сильное, упругое и нежное тело, как подавалась и ускользала из моих влажных пальцев круглая и мягкая грудь. Близко-близко от своего лица я видел в темноте полузакрытые, как будто ничего не говорящие, слабо и таинственно поблескивающие из-под ресниц глаза. Трава была мокрая и брызгала холодной, приятной росой на голое тело, странно теплевшее в прохладном и влажном воздухе. Как будто на всю рощу разносились торжествующие удары наших сердец, но нам казалось, что во всем необъятно громадном мире нет никого, кроме нас, и никто не может прийти помешать нам среди этих сдвинувшихся березок, ночных теней, влажной травы и одуряющего запаха сырого, глубокого леса. Время шло где-то вне, и все было наполнено одним жгучим, неизъяснимо прекрасным, могучим и смелым наслаждением жизнью.

Потом, когда небо начинало светлеть и тьма под березками становилась прозрачной и бледной, луна молчаливо и тихо выходила над насыпью, и ее бледный таинственный свет кое-где трогал тьму, пестрил бледными пятнами стволы тоненьких березок и вытягивал их спутанные тени по мокрой траве. По насыпи, черной как уголь, мгновенно закрывая луну и застилая рощу, насыпь и звезды клочьями разорванного, цепкого дыма, проносился длинный черный поезд. Земля дрожала и гудела, скрежетало и лязгало что-то металлически жесткое и твердое, а внизу, в тихой роще, слабо и пугливо вздрагивали тоненькие веточки березок.

Когда поезд затихал вдали и дым тихо таял в предрассветной мгле, я помогал ей подняться на насыпь, сам через силу держась на сильно ослабевших ногах. На самый верх она поднималась одна, а я стоял шагом ниже и смотрел на нее снизу вверх, слыша возле самого лица шорох и запах измятых юбок. Она улыбалась стыдливо и торжествующе, мы говорили что-то шепотом, и она уходила по насыпи, облитая бледным светом низко стоящей луны и еще слабого рассвета, а мне долго еще казалось, что все вокруг шепчет ее голосом и пахнет ее